

может и накормить, и одеть, и обстроить <...> что был умнее...» (VII, 291). Трудящийся крестьянин с его патриархальным укладом жизни оказывается той положительной ценностью, во имя которой выступает Гоголь.

Во втором томе «Мертвых душ» так же, как и в раннем творчестве Гоголя, «ложному» укладу городской жизни противопоставлен мир природы. Но теперь это уже не тот «роскошный дождь, навевающий дрему на ваши члены», который фигурировал в «Старосветских помещиках». Тема природы теперь неразрывно слита у писателя с темой труда: «Выдумали, что в деревне тоска — да я бы умер, повесился от тоски, если бы хотя один день провел в городе так, как проводят они в этих глупых своих клубах, трактирах да театрах <...> ведь тут человек идет рядом с природой, с временами года, соучастник и собеседник всего, что совершается в творении. Рассмотрите-ка круговой год работ: как, еще прежде, чем наступит весна, все уж настоуже и ждет ее: подготовка семян...» и т. д. (VII, 72).

Правда, понятие труда еще не связано четко у Гоголя с определенным общественным классом. Об этом говорит и абстрактно широкая формула в заметках писателя к «Мертвым душам»: «Весь город со всем вихрем сплетней — преобразование бездельности жизни всего человечества в массу» (VI, 693), и то, что основополагающий тезис о нравственной роли труда — «вся дрянь лезет в голову оттого, что не работаешь» (VII, 60) — вложен автором в уста помещика. Помещикам-бездельникам первого тома «Мертвых душ» писатель хотел противопоставить «трудящегося» помещика во втором томе.²³ Но замечательно, что, излагая свою программу трудовой деятельности, Костанжогло у Гоголя фактически все время говорит о труде крестьянина, сам же он выглядит, выражаясь по-гоголевски, «приклеишем» при мужике. Чего стоит хотя бы следующая фраза Костанжогло: «Да для меня, просто, если плотник хорошо владеет топором, я два часа готов перед ним простоять: так веселит меня работа» (VII, 73). Таким образом, даже помимо желания Гоголя подлинный носитель трудового начала оттесняет у него искусственную фигуру «трудящегося» помещика и сам занимает по праву ему принадлежащее место.

В одной из статей, посвященных Толстому, А. П. Скафтымов писал: «О природе и цивилизации не переставали спорить с XVIII века <...> В частности литературный сентиментализм и романтизм <...> в тематическом наполнении развиваются в пафосе непрерывного призыва „к природе“ <...> К сороковым годам девятнадцатого века эта проблема получила новое насыщение <...> В литера-

²³ Ср. с постановкой вопроса у Руссо: «Труд есть неизбежная обязанность общественного человека. Богатый или бедный, могущественный или слабый, всякий праздный гражданин есть плут» (Ж.-Ж. Руссо. Эмиль, или О воспитании, стр. 183).